

От королевского дома к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля

1997

Данный текст представляет исправленные записи лекций, прочитанных в Коллеж де Франс. В его основе — предварительные наброски, служившие, главным образом, исследовательским инструментом.

Главный замысел данного исследования — попытаться раскрыть специфические характеристики государственного интереса, которые скрываются за очевидностью, обеспеченной согласием между разумом, сформированным государством, государственным разумом и структурами государства [1]. Нужно, следовательно, не столько задаваться вопросами о факторах возникновения государства, сколько задуматься о логике исторического процесса становления такой исторической реальности как государство: сначала в его династической форме, а потом в бюрократической. Нужно не столько описывать (то есть составлять некий генеалогический рассказ) процесс автономизации бюрократического поля, подчиняющегося собственной бюрократической логике, сколько выстраивать модель этого процесса, а точнее — модель перехода от династического государства к бюрократическому, от государства, сводящегося к королевскому дому, к государству, сформированному как поле сил и поле борьбы, направленных на завоевание монополии легитимной манипуляции общественным богатством.

Р. Дж. Боней [2], исследуя современное национальное государство, заметил, что мы рискуем упустить из виду предшествующее ему династическое: «На протяжении длительного времени до 1660 года (а некоторые считают, и позже) большинство европейских монархий не были национальными государствами в нашем понимании, за исключением — скорее случайным — Франции» [3]. Не проведя чётких различий между династическим и национальным государствами, мы не сможем уловить специфики современного государства.

Последняя как никогда хорошо проявилась во время длительного переходного периода, приведшего к формированию современного государства, и была результатом особой работы по нововведению, разрыву и переопределению.

Но может следовало бы быть более радикальным и вообще не называть династическое государство государством, как это сделал В. Стибер [4]. Он подчёркивает ограниченную власть германского императора как монарха, назначенного в результате выбора, требующего папской санкции: немецкая история XV века отмечена политикой заговоров князей, она характеризуется стратегиями наследования, направленными на процветание семьи и княжеского владения (*estate*). Здесь нет ни одной черты современного государства. Только в XVII веке во Франции и Англии проявляются основные отличительные черты начинающего формироваться современного государства. Однако в 1330–1660 годах для европейской политики всё ещё характерны персональный взгляд — «*proprietary*» — князей на своё правление, давление феодальной знати, а также претензия церкви на определение норм политической жизни.

Нужно задаться вопросом не о факторах появления государства, но о логике исторического процесса, согласно которой — внутри и посредством некоего рода кристаллизации — сложилась как система такая исторически беспрецедентная реальность, которой является династическое и, что ещё более необычно, бюрократическое государство.

Особенность династического государства

Изначальное накопление капитала завершилось в соответствии с типичной логикой дома — совершенно оригинальной экономической и социальной структуры — становлением системы стратегий воспроизводства, благодаря которым дом обеспечивает своё непрерывное продолжение. Действуя как «глава дома», король распоряжается его собственностью (в частности, знатностью как символическим капиталом, накопленным домашней группой согласно совокупности стратегий, главной из которых является брак), чтобы обустроить государство, как администрацию и как территорию, которое затем мало-помалу начинает отходить от логики «дома».

Остановимся на некоторых методических предпосылках. Двойственность династического государства, с самого своего начала демонстрирующая определённые черты «современности» (например, деятельность легистов, которые благодаря действующей форме школьного воспроизводства и своей технической компетенции обладают некоей автономией по отношению к династическим механизмам), даёт повод к трактовке, стремящейся покончить с двойственностью исторической действительности. Тяга к «этнологизму» может опираться на архаические черты: так коронацию, например, можно свести к примитивному ритуалу освящения, если забыть о том, что ей предшествуют приветственные возгласы, овации или исцеление золотушных, что обеспечивает передачу наследуемой по крови харизмы и божественного назначения. Напротив, «этноцентризм» (в

паре с анахронизмом) можно увязать лишь с признаками современности, с существованием абстрактных принципов и законов, выработанных канониками. Однако поверхностное понимание этнологии препятствует использованию её достижений в области «домашних обществ» для изучения верхушки государства.

Можно предположить, что самые фундаментальные черты династического государства могут в некотором роде быть выведены из модели дома. Для короля и его семьи государство отождествляется с «королевским домом», понимаемым как наследство, включающее собственно королевское семейство, то есть членов семьи, и этим наследством нужно «по-хозяйски» распорядиться. Объединяя совокупность родов и владений, дом возвышается над индивидами, олицетворяющими его, начиная прямо с главы дома, который должен уметь поступаться своими интересами или личными чувствами ради продления материального, а главное — символического, наследия (чести дома или родового имени).

Как считает Э. У. Льюис [5], способ наследования определяет королевство. Королевская власть — это честь передаваемая по агнатической наследственной родовой линии (право крови) по праву первородства; государство или королевство сводится к королевской семье. Сообразно династической модели, устанавливаемой в королевской семье и распространяемой на всё дворянство, главная честь и наследуемые личные земли передаются старшему сыну, наследнику, чей брак рассматривается как политическое дело самой большой важности. Семья защищается от угрозы раздела, выделяя младшим землю в удел (такая компенсация призвана обеспечить согласие между братьями, причём королевские завещания рекомендуют каждому принять свою долю без возражений), а также организует их браки с наследницами или посвящает их церкви.

К французскому или английскому королевству, вплоть до достаточно позднего времени, применимо высказывание Марка Блока о средневековой сеньории, основанной на «слиянии финансовой группы с группой, осуществляющей верховную власть» [6]. Именно отцовская власть устанавливает модель господства: доминирующий оказывает защиту и поддержку. Как в древней Кабилии, где политические отношения неавтономны и зависят от родственных связей, где они строятся по модели этих связей, то же наблюдается и в экономических отношениях. Власть покоится на личных и аффективных связях, определяемых социально как верность [7], любовь, доверие — отношениях поддерживаемых постоянно, в том числе и посредством «щедрых жестов».

Возвышение государства над временно воплощающим его королём есть превосходство короны, то есть превосходство «дома» и династического государства, которое, вместе со своей бюрократической системой, остаётся в его подчинении. Так, Филипп Красивый является главой рода: он окружён близкими родственниками, «семья» разделена на разные «палаты», специальные службы, сопровождающие короля во время его поездок. Принцип легитимации генеалогический, обеспеченный кровнородственными связями. Именно так можно понимать мифологию двух тел короля, о которой так много говорят историки вслед за Канторовичем, и которая символически обозначает этот дуализм превосходства институции над личностью, временно её воплощающей в земной жизни (такой дуализм можно наблюдать и у беарнских крестьян, когда мужская половина дома, определяемого как совокупность предметов и членов семьи, часто называется именем, за которым следует

имя дома, а потому, к примеру, зять, проживающий в доме родителей жены, фактически принимает её фамилию). Король — это «глава дома», социально уполномоченный проводить династическую политику, внутри которой матримониальные стратегии занимают решающее положение; он служит величию и процветанию своего «дома».

Многие матримониальные стратегии направлены на расширение территорий при помощи династических союзов, базирующихся на одной лишь личности принца. В качестве примера можно было бы взять династию Габсбургов, которые в XVI веке значительно увеличили свою империю благодаря удачным политическим бракам: Максимилиан Первый получил Франш-Конте и Нидерланды через брак с Марией Бургундской, дочерью Карла Смелого; его сын Филипп Красивый женился на Безумной Жанне, королеве Кастильской, от этого брака родился Карл Пятый. Точно также не вызывает сомнений, что многие конфликты и, в первую очередь, так называемые войны за наследство, представляют собой способ осуществления стратегий наследования другими средствами. «Хорошо известна война за наследство в Кастилии (1474–1479): если бы не победа Изабеллы, то вместо династической унии Кастилии и Арагона мог бы возникнуть союз Кастилии и Португалии. Война Карла Пятого с герцогством Гельдерландским вовлекла это герцогство в Бургундский союз 1543 года: если бы победил лютеранский герцог Вильгельм, то возникло бы сильное анти-Габсбургское государство, собранное вокруг Клева, Юлиха и Берга и простирающееся вплоть до Зюйдерзее. Однако раздел Клева и Юлиха в 1614 году в итоге войны за наследство положил конец этой слабой возможности. Союз корон на Балтике между Данией, Швецией и Норвегией распался в 1523 году, но при каждой последующей войне между Данией и Швецией, вопрос о союзе вставал снова; лишь в 1560 году династическая борьба Ольденбургского дома с домом Ваза разрешилась путём вхождения Швеции в её «естественные границы». Ягеллоны устанавливают в 1386–1572 годах династический союз Польши и Литвы, преобразовавшийся после 1569 года в конституционный. Вместе с тем, династический союз Швеции с Польшей был целью Сигизмунда Третьего; польские короли стремились к нему до 1660 года. Они лелеяли надежды и в отношении России: в 1610 году сын Сигизмунда Третьего Владислав был зван на царство после боярского переворота» [8].

Одно из достоинств модели дома в том, что она позволяет отойти от телеологического воззрения, основанного на ретроспективной иллюзии, представляющей становление Франции как «проект», последовательно реализованный её королями. Так, Шеруэль в своей «Истории монархического правления во Франции» явным образом указывает на «волю» Капетингов построить монархическое французское государство; неудивительно, что некоторые историки осуждают введение системы уделов, ответственную за «раздробление» королевских владений.

Династическая логика полностью учитывает политические стратегии династических государств и позволяет увидеть в них особого типа стратегии воспроизводства. Но нужно ещё задаться вопросом о средствах, а точнее, об имеющихся у королевской семьи особых преимуществах, которые позволяют ей одерживать победу над соперниками.

Как мне кажется, один только Норберт Элиас открыто ставит этот вопрос и предлагает в ответ на него свой «закон монополии» — решение, которое я не буду сейчас подробно обсуждать, но замечу, что оно мне кажется вербальным и тавтологическим: «Когда внутри

социальной единицы определённой протяжённости существует множество более мелких единиц, формирующих в силу их взаимозависимости, эту крупную единицу, то обладая более или менее равной социальной силой, и не будучи ограничены установленной монополией, они могут вступить в свободную борьбу за захват социальной власти и, прежде всего, за средства существования и средства производства, причём велика вероятность, что одни из этой борьбы выйдут победителями, а другие побеждёнными, и что удача окажется в руках немногих, в то время как другие будут уничтожены или попадут под власть этих немногих» [9].

Наделённый «властью полу-литургической природы», которая ставит его «вне всех остальных князей, его соперников» [10], сочетая суверенитет (римское право) с властью сюзерена, что позволяет ему монархически пользоваться феодальной логикой, король занимает положение, отличающееся от других и придающее отличия, что само по себе обеспечивает начальное накопление символического капитала. Он — феодальный глава, обладающий характерной властной особенностью, которая даёт ему резонные шансы на признание его претензии называться королём. В самом деле, по излюбленной экономистами логике «спекулятивного пузыря», он с полным основанием может считать себя королём, поскольку другие верят (хотя бы отчасти), что он им является; каждый должен считаться с фактом, что другие считают с тем, что он — король. Таким образом, достаточно минимального отличия, чтобы получить максимальное расхождение, поскольку оно отделяет его от всех остальных. Кроме того, король оказывается в центральной позиции и на этом основании располагает информацией обо всех других, которые — за исключением случаев коалиции — сообщаются между собой только через него, а потому он может контролировать их альянсы. Король оказывается таким образом в положении над схваткой, он предрасположен к исполнению функции арбитра, он — инстанция, к которой взывают.

Примером, иллюстрирующим данную модель, может служить анализ Музафара Алама, показывающий каким образом вследствие заката Могольской империи, вызванного упадком императорской власти, а также усилением власти местной знати и автономии провинций, местные главы продолжали соотноситься через «некую видимость имперского центра», продолжая придавать ему легитимирующую функцию. «Again, in the conditions of unfettered political and military adventurism which accompanied and followed the decline of imperial power, none of the adventurers was strong enough to be able to win the allegiance of the others and to replace the imperial power. All of them struggled separately to make their fortunes and threatened each other's position and achievements. Only some of them, however, could establish their dominance over the others. When they sought institutional validation of their spoils, they needed a center to legitimize their acquisitions» [11].

Характерные противоречия династического государства

Начальное накопление капитала совершается в пользу одного лица: зарождающееся бюрократическое государство (а также бюрократическая и связанная с ним

образовательная формы правления и воспроизводства) остаётся в личной собственности «дома», который продолжает подчиняться патримониальной форме правления и воспроизводства. Король отказывается от личных властных привилегий в пользу единоличной власти; он увековечивает в своей династии способ семейного воспроизводства, противоречащий тому способу, который он устанавливает (или который устанавливается) для бюрократии (где важны заслуги и компетенция). Он концентрирует в своих руках различные формы власти, в частности, экономическую и символическую, и перераспределяет их в «персонализированном» виде («щедроты»), способствующем возникновению «личной» привязанности. Отсюда разного рода противоречия, которые играют определяющую роль в преобразовании династического государства, хотя именно их чаще всего забывают включить в анализ факторов «рационализации». Например, такая форма конкуренции между государствами, как межнациональные войны приводит к концентрации и рационализации власти, к процессу самоподдержки, поскольку необходимо обладать властью, чтобы вступать в войну, призванную концентрировать власть; или, другой пример, конкуренция между центральной властью и местными властями.

С одной стороны, до последнего времени можно было наблюдать постоянство старых структур патримониального типа. Например, описываемая Роланом Мунье живучесть моделей «учитель/преданный ученик или покровитель/креатура» внутри самого наибюрократического сектора [12]. Желая показать, что для понимания реального функционирования государственных институтов недостаточно анализировать одну лишь их историю, Р. Боней указывает:

«Система патронажа и клиентелы представляла основную силу, действующую за фасадом официальной административной системы, описать которую значительно проще, поскольку отношения патронажа в силу самой их природы ускользают от историка. Вместе с тем, значение министра, государственного секретаря, управляющего финансами или королевского советника, одинаково зависит от титула и от влиятельности его самого или его покровителя. Эта влиятельность в значительной мере держится на личностных качествах самого персонажа, но ещё больше — на личности покровителя» [13].

Другим объясняющим фактором служит существование кланов, основанных на семье (часто ошибочно называемых «партиями»), которые — как это ни парадоксально — участвуют, хотя и не прямо, в процессе бюрократизации: «Крупные кланы знати, уважающие законы или оспаривающие их, являются структурными составляющими монархии», а «фаворит» использует свою абсолютную власть против недовольных или подозреваемых в недовольстве членов королевской семьи» [14].

Амбивалентность государственной системы, где смешиваются домашние дела и политика, интересы королевского дома и государства, парадоксальным образом становится, через демонстрируемые ей противоречия, одним из главных принципов утверждения бюрократии. Становление государства совершается отчасти под прикрытием недоразумений, порождённых тем фактом, что можно с чистой совестью выражать неоднозначные структуры династического государства в определённом языке, а именно в языке права, который сообщает им совершенно иное основание и тем самым готовит их преодоление.

Несомненно, династический принцип, выраженный языком римского права при помощи этноцентрического толкования юридических текстов, начинает в XIV–XV веках постепенно преобразовываться в новый, собственно «государственный», принцип. Династическая организация, игравшая главную роль уже при Капетингах (например, коронация наследника в детском возрасте), достигает расцвета со становлением королевской семьи, состоящей из мужчин и женщин, в чьих жилах течёт королевская кровь («принцы крови»). Типично династическая метафора королевской крови формулируется в соответствии с логикой римского права, которая для выражения родства пользуется словом «кровь» (*jura sanguinis*). Карл V перестраивает некрополь Сен-Дени: все персоны королевской крови (включая жён и детей, мальчиков и девочек, даже умерших в раннем возрасте) были погребены вокруг Людовика Святого.

Юридический принцип опирается на типично династическое понимание короны как принципа суверенности, которая ставится выше персоны короля. Начиная с XIV века это абстрактное слово обозначает королевские владения («владения короны», «доходы короны») и «династическую преемственность — цепь королей, в которой отдельная персона является лишь одним из звеньев» [15]. Корона подразумевает неотчуждаемость земель и прав феодалов от королевских владений, потом от самого королевства; она указывает на *dignitas* и *magestas* отправления функции короля (постепенно отделяющуюся от личности короля). Таким образом, постепенно, через идею короны и новое толкование идеи дома, превосходящего своих членов, проводится понимание автономной инстанции, независимой от личности короля. Юристы несомненно склонны создавать творческую неразбериху между династическим представлением дома, который продолжает их занимать, и юридическим представлением государства как *corpus mysticum* по типу церкви (Канторович).

Вес структур родства и опасность дворцовых войн оказывает парадоксальным образом давление на продолжение династии и на власть государя, которая повсеместно — от архаических империй до современных государств — способствует развитию форм власти, независимых от родства, как в своём функционировании, так и в воспроизводстве. Предприятие «государство» есть место оппозиции, подобной той, что Берль и Минс выделяли в связи с предприятием, а именно, оппозиция наследных «собственников» власти (*owners*) «функционерам» (*managers*), то есть «кадрам», нанятым за их компетенцию и не имеющим наследственных титулов. Следует, однако, поостеречься реифицировать данную оппозицию, как это было в случае с предприятием. Требования внутрдинастической борьбы (в частности, между братьями) лежат в основании первых проектов разделения труда по господству. Именно наследники должны были опираться на управляющих для продления своего рода; именно они достаточно часто должны были прибегать к новым ресурсам, которые им доставляла бюрократическая централизация, чтобы преодолеть угрозы со стороны их династических соперников. Например, как в случае короля, использующего ресурсы казны для подкупа главы конкурирующего рода или, более тонко, для контроля над конкуренцией между своими приближёнными путём раздачи — в соответствии с занимаемым в иерархии местом — символических прибылей, обеспеченных куриальной организацией.

Таким образом, мы находим почти повсеместно тройное разделение власти: король; его братья (в широком смысле), то есть династические соперники, чья власть покоится на

династическом принципе организации дома; министры короля, *homines novi*, чаще всего назначенные за их компетенцию. Сильно упрощая, можно сказать, что король нуждается в министрах, чтобы ограничивать и контролировать власть своих братьев, и наоборот, — использует братьев для ограничения и контроля над властью министров.

Великие земледельческие империи, состоящие главным образом из малых производителей, живущих замкнутыми на себе общинами и находящимися под господством меньшинства, обеспечивающего порядок и управление насилем (воины), а также управление официальной мудростью, хранящейся в письменном виде (писцы), совершают чётко обозначенный разрыв семейных связей с помощью учреждения крупных бюрократий париев, исключённых из политического воспроизводства: евнухов, священнослужителей, обречённых на безбрачие, чужеземцев, не имеющих родственников в стране (как в преторианских гвардиях дворцов и финансовых служб империй) и лишённых прав или, в крайних случаях, рабов, которые являлись собственностью государства и чья собственность и пост могли быть в любой момент отобраны государством [16]. В Древнем Египте различие между царской семьёй и высшей администрацией проводилось таким образом, что власть делегировалась скорее новым людям, чем членам царской семьи. Также и в античной Ассирии (Гарелии) *wadu* были одновременно рабами и «функционерами». В империи Ахеменидов, состоящей из Мидии и Персии, высшими управленцами были часто греки. В Монгольской империи высшие управленческие функции исполнялись почти исключительно иностранцами.

Самые занимательные примеры даёт нам Оттоманская империя. Чтение «Баязида» позволяет представить, каким образом братья султана и его визирь (бюрократ, наделённый властью контролировать среди прочих и самих братьев) создавали постоянную угрозу султану. Радикальным решением данной проблемы стало принятие закона о братоубийстве, который предписывал умерщвлять братьев наследника, сразу по его восшествии на престол [17]. Во многих империях Древнего Востока именно иностранцы, в особенности перешедшие в ислам христиане, получали доступ к высшим сановным должностям [18]. Оттоманская империя создала себе космополитическую администрацию [19], которую называли «сбором», состоящим, однако, из людей преданных, причём оттоманский «*kul*» означал одновременно «раб» и «слуга государства».

Таким образом, мы можем сформулировать основной закон такого первичного разделения труда по господству между наследниками — династическими соперниками, наделёнными потенцией к воспроизводству, но доведённых до политической импотенции, и облатами — обладающими политической силой, но лишёнными возможности воспроизводиться. Чтобы ограничить власть наследных представителей династии, прибегают к найму на важные посты людей, не имеющих отношения к династии, *homines novi*, облатов, обязанных всем государству, которому они служат, и находящихся — по меньшей мере, теоретически — под постоянной угрозой потерять полученную из его рук власть. Для упреждения опасности монополизации, исходящей от всякого обладателя власти, основанной на специализированной, более или менее редкой, компетенции, система набора на должность строится таким образом, чтобы исключить всякую возможность воспроизводства (в предельном случае, это евнухи или священнослужители-целибаты) и возможность передачи власти по династическому типу, либо использования статуса функционера для учреждения

власти, организованной по принципу самостоятельной легитимности, независимо от той, что дана государством, то есть легитимности на определённых условиях и на определённое время. Так, можно предположить, что папское государство начало рано, уже в XII-XIII веках, эволюционировать в сторону бюрократического государства именно благодаря уходу от династической модели семейной преемственности, которая иногда продлевалась по линии дядя-племянник, благодаря тому, что оно не имело территории, но опиралось на налоги и право.

Существует огромное множество разнообразных примеров проявления этого основного закона в разных цивилизациях: меры, направленные на предупреждение появления системы контр-власти, построенной по династической модели, то есть независимой в своём воспроизводстве и наследуемой (именно этот момент послужил развилкой между феодализмом и империей). Так, в Османской империи, сановникам определяется *timar* — доход с земель, но сами земли в собственность не даются. Часто встречается положение, когда власть атрибутируется строго пожизненно (как celibat у священнослужителей) и с расчётом на облатов (парвеню, неукоренённых) или даже на париев. Облат — полная антитеза брату короля. Получая все от государства (или, в другое время, от партии), облат даёт всё государству, которому он не может ничего противопоставить за неимением ни собственных интересов, ни сил. Пария — предельный случай облата, поскольку он может в любой момент быть отброшен государством в небытие, из которого его это государство извлекло щедрым жестом (как, например, во времена Третьей республики студенты, получившие стипендию от государства и облагодетельствованные системой образования).

Во Франции Филиппа Августа, также как и в земледельческих империях, бюрократия набиралась среди нижних слоёв *homini novi*. И, как мы уже могли заметить, французские короли постоянно опирались на «фаворитов», которые — уже само слово на это указывает — выбирались случайным образом, чтобы противодействовать власти «грандов». Велась непрерывающаяся борьба между близкими короля (генеалогически) и приближёнными фаворитами, которые пытались заменить первых в благорасположении государя.

«Екатерина Медичи ненавидит Эпернона и пытается всеми средствами подорвать его репутацию. Мария Медичи пытается сделать то же самое с Ришельё во время проведения «дня дураков». Гастон Орлеанский организовывал бесконечные заговоры против министра, которого он обвинял в тирании, поскольку он являлся преградой между королём и его семьёй. Здесь двойной расчёт: «фаворит», ставший «премьер-министром», должен быть богатым и влиятельным; его рассматривают как того, кто привлекает к себе клиентелу, которая иначе могла бы пойти пополнять ряды оппозиции. Баснословное богатство Эпернона, Мазарини и Ришельё давало им средства для проведения своей политики. Генрих Третий с помощью Эпернона и Жуайеза мог контролировать государственный аппарат, армию и некоторые правительства. Благодаря этим двум своим друзьям, он чувствовал себя почти королём Франции» [20].

Роль париев можно понять только при условии учёта двойственности технической компетенции — *technè* и специализации — составляющих основу власти виртуально автономной и потенциально опасной (Бернар Гене заметил, что вплоть до 1388 года функционеры гордились своей преданностью больше, чем компетентностью [21]) и предмет

глубоко амбивалентного отношения во многих архаических обществах. Так, известно, что в земледельческих обществах ремесленник (*demiourgos*), особенно, кузнец, а потом золотых дел мастер и оружейник, были предметом представлений и толкований весьма двойственного характера, внушая одновременно страх и презрение, были «заклеймены». Владение специальностью — будь то металлургия или часто ассоциирующаяся с ней магия, финансы или при другом порядке воинские способности (наёмники, янычары, элитные части армии, кондотьеры) — может наделить опасной властью. То же и в отношении письма: известно, что в Османской империи писцы (*katib*) пытались узурпировать власть, а семейства шейхов-уль-ислам стремились монополизировать религиозную власть. Писцы в Ассирии, обладая монополией на клинопись, сосредотачивали в своих руках большую власть. Их удаляли от двора, а когда хотели с ними советоваться, то приглашали небольшими группами по два-три человека, не давая возможности объединиться. Подобные беспокойные специальности часто выпадали на долю этнических групп, которые легко могли быть идентифицированы в культурном плане, то есть стигматизированных, а потому не допускающихся к политике, власти над средствами насилия и почести. Эти специальности были оставлены на париев, которые позволяли группе и представителям её официальных ценностей добиваться этих ценностей, официально отказываясь от них. Власть и даваемые ей привилегии, таким образом, оказываются замкнуты в силу логики их происхождения внутри стигматизированных групп, которые не имеют возможности воспользоваться ими в полной мере, а главное, — получать от них политические дивиденды.

Держатели династической власти заинтересованы в том, чтобы опираться на группы, которые, — как в случае с меньшинствами, специализирующимися на профессиях, связанных с финансами, как например, евреями, известными своими профессиональными умениями и способностями оказывать вполне конкретные услуги и доставлять определённые товары [22], — должны быть или стать бессильными (в военном или политическом отношении), чтобы получить разрешение использовать средства, опасные в других, «плохих», руках. В такой перспективе — перспективе разделения властей и дворцовых войн — становится понятным переход от феодальной к наёмной армии. Армия нанятых за вознаграждение является по отношению к войску «феодалов» или к «партии» тем же, чем чиновник или «фаворит» для братьев короля или членов королевского дома.

Принцип основного противоречия династического государства (между братьями и министрами короля) состоит в конфликте двух способов воспроизводства. Действительно, по мере становления династического государства и дифференциации поля власти (вначале король, епископы, монахи, шевалье, затем юристы — проводники римского права, за ними парламент, потом торговцы, банкиры, а затем и учёные [23]), а также с началом разделения труда по господству, — упрочился смешанный, двойственный и даже противоречивый характер способа воспроизводства, действующего внутри поля власти. Династическое государство продлеvalo жизнь способу воспроизводства, основанному на наследовании, на идеологии крови и рождения и противоречащему способу воспроизводства, установленного им для государственной бюрократии и связанного с развитием образования, причём последнее само связано с рождением профессионального корпуса чиновников. Династическое государство стремилось сочетать два взаимоисключающих способа воспроизводства. Бюрократический, основанный на системе образования и, следовательно, на компетенции и заслугах, способ воспроизводства стремился подорвать династический,

генеалогический в самих его устоях, в самом принципе его легитимации: кровь, рождение.

Переход от династического государства к бюрократическому неотделим от движения, которым новое дворянство, государственная знать (дворянство мантии) изгоняло старую знать, дворян по крови. Мимоходом следует отметить, что правящие круги были первыми, кого коснулся процесс, распространившийся много лет спустя на всё общество: смена семейного способа воспроизводства (игнорирующая разрыв между общественным и частным) бюрократическим, включающим образовательную составляющую и основанным на вмешательстве школы в процессы воспроизводства.

Династическая олигархия и новый способ воспроизводства

Главное состоит в том, что средневековая сеньория, династическое государство, согласно Марку Блоку, — это «территория, пользование которой организовано таким образом, что часть продукции отходит к единственной персоне», «одновременно главе и хозяину земли» [24]. Династическое государство, несмотря на всё, что оно может содержать бюрократического и безличного, остаётся ориентировано на королевскую персону. Государство концентрирует различные виды капитала, разные формы власти, а также материальные и символические ресурсы (деньги, почести, звания, милости и незаконные льготы) в руках короля, и тот может — посредством избирательного перераспределения — устанавливать и поддерживать отношения зависимости (клиентела) или, сверх того, отношения личной признательности, и таким образом упрочивать свою власть.

Так, например, собранные налоговой службой государства деньги постоянно перераспределялись между вполне определёнными категориями подданных (в частности, в виде денежного содержания военным или жалования сановникам, состоящим на должности штатским лицам, управляющим или судебным чиновникам). Происхождение государства неотделимо от генезиса группы людей, действующих с ним заодно, заинтересованных в его функционировании. Здесь было бы уместным рассмотреть аналогию с церковью: власть церкви в действительности не измеряется, как считалось, числом празднующих Пасху, но числом тех, чей экономический и социальный фундамент социального существования и, в частности, доходы прямо или опосредованно связаны с Церковью, и кто в силу этого «заинтересован» в её существовании.

Государство — это прибыльное предприятие, прежде всего, для самого короля, но также и для тех, кто получает от его щедрот. Борьба за формирование государства становится таким образом неотделимой от борьбы за присвоение прибылей ассоциированных с государством (предельно широко такую борьбу иллюстрирует welfare state). Борьба за влияние вокруг власти, как показал Дени Крузе [25], ставит целью занятие центральных позиций, способных принести финансовые выгоды, в которых нуждаются дворяне для поддержки своего образа жизни (этим объясняется присоединение герцога Неверского к Генриху Второму или молодого Гиза к Генриху Четвёртому, которое «стоило» 1.200.000

ливров для покрытия долгов его отца). Короче, династическое государство устанавливает частное присвоение несколькими лицами общественных ресурсов. Как личная связь феодального типа оказывается подчинённой контракту и даёт место вознаграждениям не столько в виде земель, сколько в виде денег или власти; также и «партии» борются между собой, особенно в рядах Королевского совета, за получение контроля над движением налогов.

Амбивалентность династического государства продлевается (в других формах она продолжает существовать и после его исчезновения), поскольку есть особые интересы и прибыли, связанные с присвоением публичного, всеобщего и с тем, что для подобной апроприации предоставляются постоянно обновляющиеся возможности. (Например, помимо структурных факторов существования коррупции, продажа должностей, после XIV века, и наследование должностей, по эдикту Поле 1604 года, учредившему передачу должностей в частную собственность, — участвуют в становлении «нового феодализма» [26].) Королевская власть должна была учредить комиссаров, чтобы восстановить свой контроль над администрацией [27].

Идеальным, с точки зрения короля (и центральной власти в целом), было бы концентрировать и перераспределять всю совокупность ресурсов, таким образом полностью владея процессом производства символического капитала. Действительно, вследствие разделения труда по доминированию, всегда возникают потери: слуги государства постоянно стремятся послужить непосредственно самим себе (вместо того, чтобы дожидаться перераспределения), практикуя изъятия и расхищение материальных и символических ресурсов. Отсюда, настоящая структурная коррупция, как показывает Пьер-Этьен Виль, является в основном делом управляющих среднего уровня. Кроме «упорядоченных не порядков», то есть вымогательств для оплаты личных и профессиональных расходов, где сложно определить, идёт ли речь о «институционализированной коррупции» или о «неофициальном финансировании расходов», существует масса привилегий, которые подчинённые должностные лица могут извлечь из своего стратегического положения в системе циркуляции информации сверху вниз и снизу вверх. Так, они могут продать имеющуюся в их распоряжении жизненно важную информацию высшим чиновникам или не захотеть её сообщить; передать её исключительно против удовлетворения своего ходатайства, а могут отказаться передать приказ [28]. В общем виде, обладатели делегированной власти могут извлекать разного рода прибыли из своего промежуточного положения. В соответствии с логикой права и привилегий [29], прохождение любого акта или административного дела может быть заблокировано, затянута по времени или, напротив, облегчено и ускорено (против определённой денежной суммы). Порой подчинённый имеет преимущество перед более высокими инстанциями (особенно, перед контрольными инстанциями): он ближе к «земле», и когда он «прочно» сидит на своём посту, начинает составлять часть местного общества. Жан-Жак Лаффон предложил формальные модели «контроля» (supervision), рассматриваемого им в свете теории договора как игра с тремя персонажами: предприниматель, мастер (supervisor), рабочие [30]. Несмотря на то, что модель хорошо представляет стратегическое положение supervisor, который может угрожать рабочим тем, что «информирует» хозяина, «скажет кто виноват в снижении результатов» или скроет от него правду, — эта модель остаётся нереалистической. Она игнорирует, в частности, как

диспозиционные эффекты, так и принуждения бюрократического поля, налагающего определённую цензуру на эгоистические наклонности.

Иными словами, коррупцию можно описать как утечку в процессе накопления и концентрации государственного капитала, как действия прямого изъятия и перераспределения, дающие возможность скопить экономический и символический капитал на должностях чиновников, не занимающих самого высокого положения (проконсулы и феодальные сеньоры, выступающие «королями» на своём уровне), которые поэтому препятствовали или тормозили переход от феодализма к империи, стимулируя регресс от империи к феодализму.

Логика процесса бюрократизации

Итак, первоначальное утверждение различия общественного и частного было сформировано в сфере власти. Оно привело к становлению собственно политического порядка публичной власти, обладающего собственной логикой (государственный интерес), самостоятельными ценностями, своим языком, специфическим и отличающимся как от «домашнего» (королевского), так и от частного. Это различие в дальнейшем распространилось на всю социальную жизнь, но начаться оно, некоторым образом, должно было с короля, в голове короля и его окружения, где всё заставляет путать — по какому-то институциональному нарциссизму — ресурсы и интересы институции с ресурсами и интересами личности. Формула «Государство — это я» выражает, прежде всего, неразличение общественного и частного порядков — принцип, которым определяется династическое государство и в борьбе с которым должно формироваться государство бюрократическое, предполагающее отделение позиции от занимающей её персоны, функции от функционера, общественного интереса от частного и особенного, и наделяющее чиновника доблестью бескорыстия.

Королевский двор — пространство одновременно публичное и приватное. Его можно описать как конфискацию социального и символического капитала в пользу одной персоны, как монополизацию публичного пространства. Наследование является в некотором роде перманентным государственным переворотом, по которому личность присваивает себе общественную вещь. Это — обращение на пользу одной персоне собственности и прибылей, связанных с функцией (оно может принимать различные формы: наиболее полным образом в династический период; более скрыто, но тем не менее может существовать и в последующие периоды, например, когда президент республики узурпирует монархические атрибуты или, уже в ином ключе, когда профессор — о котором писал М. Вебер — воображает себя «маленьким пророком на государственном содержании»). Личная власть — которая может не иметь ничего общего с абсолютной — есть частное присвоение общественной власти, частное отправление этой власти.

Процесс разрыва с династическим государством принимает вид разложения на *imperium* (публичная власть) и *dominium* (личная власть); на публичное пространство, форум, агору, место сплочения собравшегося вместе народа, и дворец (для древних греков, например, отсутствие агоры было главным показателем варварства).

Концентрация политических средств сопровождалась политической экспроприацией личной власти: «Становление современного государства повсюду начиналось с желания правителя экспроприировать личные властные привилегии, которыми — с его стороны — располагала административная власть, то есть привилегии всех тех, кто является собственниками средств управления, средств ведения войны, финансовых средств и всех других видов благ, допускающих политическое использование» [31]

В более общем виде, «дефеодализация» подразумевает разрыв между «естественными» связями (родством) и процессами «естественного», то есть не-опосредованными не-домашней инстанцией, воспроизводства королевской власти, бюрократии, института образования и так далее. Государство является по сути *antiphýsis*: оно устанавливает (дворянин, наследник, судья...), оно называет, оно неразрывно связано с институцией, конституцией, номосом — *nômo* (*ex instituto*) — по противоположности с *phusei*. Оно формируется в и через учреждение специфической законности, которая — с точки зрения этноса — требует разрыва со разного рода приверженностью, ведущей происхождение от касты, семьи и тому подобного. Всё это ставит государство в положение, несовместимое со специфической логикой семьи, которая — сколь бы ни была произвольной — является самой «натуральной» (кровь и прочее) и натурализуемой из всех социальных институтов.

Процесс «дефеодализации» государства сопровождается развитием специфического способа воспроизводства, придающим большое значение школьному образованию. Так, в Китае чиновник должен был получить специальное образование и быть полностью чуждым частным интересам. Университеты в Европе появляются в XII веке, но развиваться начинают в XIV под натиском правителей. Университеты стали играть существенную роль в формировании служащих государства: и светских, и религиозных. Вообще говоря, генезис государства нераздельно связан с настоящим культурным преобразованием. На Западе, начиная с XII века, нищенствующие монашеские ордена, распространившиеся в городах, открывают светским лицам широкий доступ к литературе, прежде предназначенной исключительно для высокообразованных священнослужителей. Таким образом начался процесс обучения, значительно ускорившийся с основанием городских школ и изобретением типографий в XV–XVI веках.

С развитием образования связана смена системы наследования должности системой назначений, осуществляемых представителями государственной власти, и, как следствие, — клерикализация дворянства (особенно ощутимая в Японии). Англия, — как отмечал Марк Блок, — стала унифицированным государством прежде всех континентальных королевств, поскольку государственная служба там не отождествлялась полностью с родовыми землями. Очень рано там появляются *directly appointed royal officials* — ненаследуемые должности *sheriffs*. Престол противится феодальной раздроблённости, внедряя в управление промежуточное звено — служащих, выбираемых среди местных, но назначаемых и снимаемых самой Коронай (Кориган и Сейер датируют переход от «household» к бюрократическим формам правления примерно 1530 годом). Параллельно происходит «демилитаризация» дворянства: «Most of the landowning class was, during the Tudor epoch, turning away from its traditional training in arms to an education at the universities or the Inn of Court» [32]. В армии, которая становится прерогативой государства, так же происходит переход «from private magnates commanding his own servants to lord lieutenant,

acting under royal commission» [33].

Как феодалы преобразуются в служащих на содержании короля, так и Curia regis превращается в настоящую администрацию. В XI и XIII веках от Curia regis отделяются Парижский парламент и Счётная палата, затем, в XV веке — Большой совет; процесс завершается в середине XVII века с формированием правительственных Советов (заседающих в присутствии короля и канцлера) и Советов управления и правосудия [34] (но процесс номинальной дифференциации: Узкий совет; Совет по делам; Тайный совет, называемый после 1643 года Верхним советом; Почтовый совет, созданный около 1650 года; Финансовый совет; Торговый совет, действующий с 1730 года — скрывает за собой глубокую взаимосвязь вещей).

Феодальное правление персонально (оно обеспечивается группой людей, окружающих суверена: баронами, епископами и простолюдинами, на которых может полагаться король). С середины XII века английские монархи начинают привлекать к правлению священнослужителей, но развитие Common Law в Англии и римского права на континенте, изменяют ситуацию в пользу светских лиц. Появляется новая группа, состоящая из тех, кто получил своё положение благодаря профессиональной компетенции, а следовательно, государству и его культуре — чиновники.

Становится, таким образом, понятна главенствующая роль служащих, чьё восхождение сопровождается становлением государства, и о которых можно сказать, что они создают государство, их создающее, или что они творят себя, создавая государство. С момента своего возникновения они неразрывно связаны с государством в силу способа своего воспроизводства. Жорж Дюби указывал, что с XII века «высшая и средняя бюрократия почти целиком вышла из колледжа» [35]. Постепенно они основывают собственные специфические институты, наиболее типичным из которых является Парламент, хранитель закона (в частности, гражданского права, которое со второй половины XII века начинает автономизироваться относительно канонического права). Обладая такими специфическими, отвечающими потребностям управления ресурсами, как письмо и право, чиновники очень рано обеспечивают себе монополию на наиболее типично государственные ресурсы. Их вмешательство несомненно способствует рационализации власти. Прежде всего, — как пишет Ж. Дюби, — они вносят строгость в отправление власти, оформляя судебные решения и ведя реестр [36]; затем они вводят в действие типичный для канонического права способ мышления и схоластическую логику, на которой это право покоится (например, «различие», «постановка под вопрос», борьба аргументов «за» и «против»; или практика inquisitio — рациональное расследование, заменившее испытание доказательством и завершающееся письменным заключением). Наконец, они строят идею государства по модели церкви в трактатах о власти, ссылаясь при этом на Священное писание, книгу царств, святого Августина, но ещё и на Аристотеля. Королевство понимается ими как магистратура, а тот, кто получает его в наследство — избранник божий, но должен при этом показать себя хорошим хранителем res publica; он должен считаться с природой и быть разумным. Продолжая следовать мысли Жоржа Дюби [37], можно рассмотреть вклад чиновников в формирование рационального бюрократического габитуса. Так, они возводят в доблесть осторожность: нужно владеть собой и эмоциональными порывами, действовать здраво, как подсказывает разум и чувство меры: а также учтивость — инструмент социальной

регуляции. В отличие от Элиаса, видящего в государстве основу «цивилизации», Дюби справедливо считает, что клерикальное изобретение — учтивость внесла свой вклад в изобретение государства, способствующего распространению куртуазности. То же и в отношении *sapientia* — общей склонности к мудрости, касающейся всех сторон жизни.

Государство есть *fictio juris* — выдумка юристов, участвовавших в производстве государства, создавая теорию государства, перформативный дискурс об общем деле. Созданная ими политическая философия является не дескриптивной, а продуктивной и предсказательной относительно своего объекта. Исследователи, изучающие труды юристов, от Гуичардини (одним из первых введшим в научный оборот термин «государственный интерес») или Джовани Ботеро до Луазо или Бодена — просто как теории государства, отказываются замечать собственно созидательный вклад юридической мысли в зарождение государственных институтов [38]. Юрист — хозяин общего социального ресурса слов и понятий — предлагает средства осмысления реальностей ранее непомысленных (например, понятие *corporatio*), раскрывает целый арсенал организационных приёмов, моделей действия (часто заимствованных из церковных традиций, но подвергнутых секуляризации), капитал решений и прецедентов (Сара Хенли [39] показала, как между юридической теорией и королевской или парламентской практикой происходят постоянные взаимообмены). Следовательно, нельзя довольствоваться тем, чтобы брать из анализируемой реальности концепты (например, суверенитет, государственный переворот и тому подобное), которые предполагается использовать для объяснения той самой реальности, чьей составной частью они являются и в создании которой принимали участие. Для правильного понимания политических текстов, являющихся не простыми теоретическими описаниями, но практическими предписаниями, имеющими целью породить новый тип социальной практики путём придания ей смысла и причины существования, — нужно заново поместить произведения и авторов в контекст предприятия по конструированию государства, реконструировать их диалектическую связь. Нужно найти место авторов в нарождающемся юридическом поле, а также в более широком пространстве, поскольку их позиция относительно других юристов и центральной власти может лежать в основании их теоретической конструкции.

Чтение книги Уильяма Фара Черча [40] позволяет предположить, что взгляды «законников» различались в зависимости от дистанции, отделяющей их от центральной власти. Так, «абсолютистский» дискурс был в большей степени делом юристов, непосредственно участвующих в центральной власти, которые устанавливали чёткое деление между королём и подданными и устраняли все отсылки к промежуточным инстанциям власти, таким как, например, Генеральные штаты; в то же время парламентарии занимали более неопределённую двойственную позицию.

Всё заставляет предполагать, что тексты, с чьей помощью юристы пытались навязать своё видение государства и, в частности, идею «общественной пользы» (которую сами они и изобрели), являются в то же время стратегиями, посредством которых юристы стремятся заставить признать своё присутствие, утверждая присутствие «государственной службы», часть которой они составляют. (Взять хотя бы положение третьего сословия в Генеральных штатах 1614–1615 годов или политику Парижского парламента, особенно, в период Фронды, в отношении изменения иерархии сословий и признания судейского сословия, «дворян пера

и чернил» как первого сословия, поместив при этом в первый ранг не военную, но гражданскую службу государству. Можно вспомнить о борьбе короля и Парламента внутри формирующегося поля власти — инстанции, которая по мысли одних была призвана легитимировать королевскую власть, а по мнению других — ограничить её, откуда и выражение «ложе правосудия» [41].) Короче, нет сомнений в том, что принимавшие самое явное участие в продвижении разума и универсальности, имели наиболее явно выраженную заинтересованность в универсальном, — так, что можно сказать, что у них был частный интерес к общественному интересу [42].

Недостаточно просто описать логику такого процесса неощутимого преобразования, завершившегося возникновением не имеющей исторических прецедентов социальной реальности, которой является современная бюрократия, то есть относительно автономного административного поля, независящего от политики (отрицание) и экономики (бескорыстие) и подчиняющегося специфической логике «публичного». Нужно перестать довольствоваться неким интуитивным полупониманием, которое даёт знакомство с конечным состоянием, и попробовать заново схватить глубинный смысл ряда чрезвычайно малых, но решающих изобретений: кабинет, подпись, печать, постановление о назначении, удостоверение, аттестация, реестр и регистрация, циркуляр и тому подобное, — всего то, что привело к установлению собственно бюрократической логики, власти безличной, взаимозаменяемой и с виду совершенно «рациональной», а на деле наделённой самыми загадочными свойствами магической эффективности.

Круг отрицания и генезис административного поля

Постепенное разделение династической (братья короля) и бюрократической властей происходило посредством дифференциации власти и, более конкретно, через удлинение цепи делегирования властных полномочий и ответственности. Если воспользоваться формулой, то можно сказать, что государство (безличное) стало разменной монетой абсолютизма, а король — растворился в безличной сети долгого ряда доверителей и лиц, наделённых полномочиями, отвечающих перед вышестоящим лицом, от которого они получают свои полномочия и власть, но за которого они — в определённой мере — тоже несут ответственность; а приказы исходящие от него, они ратифицируют и контролируют в процессе их выполнения.

Чтобы понять то необычное, что может содержать переход от власти персонализированной к власти бюрократической, нужно снова вернуться к типичному моменту в долгом переходном периоде от династического принципа к юридическому, когда происходило постепенное расхождение между «домом» и бюрократией (называемой в английской традиции «кабинетом»), то есть между «great offices», наследуемыми и политически незначимыми, и кабинетом, ненаследуемым, но наделёнными властью над печатью (seals). Это чрезвычайно сложное движение, с продвижением вперёд и отступлениями, ритм которого для агентов зависит от интереса к их позиции и от бесчисленных препятствий, вызванных

мыслительными привычками и бессознательными предрасположенностями. Так, по словам Жака Ле Гоффа, бюрократия сначала мыслилась по семейной модели; случалось, что министры короля, приверженные династическим взглядам, пытались добиться передачи своих должностей по наследству.

Ф. У. Мейтланд рассматривает эволюцию практики использования королевской печати [43]. Со времён норманнов королевские повеления оформлялись актами, хартиями, грамотами, закрытыми и запечатанными королевской печатью, гарантирующей их подлинность. Большая государственная печать (great seal) доверялась канцлеру (chancellor) — главе всего секретариата. В конце Средних веков и на протяжении всего правления Тюдоров канцлером был Первый министр короля. Со временем стали появляться и другие печати. Поскольку канцлер пользовался печатью очень часто и в различных случаях, то стали использовать малую государственную печать (privy seal) в делах, касающихся непосредственно короля. С малой государственной печатью король отдавал указания канцлеру относительно использования большой. С этого момента последняя печать доверялась хранителю «службы» — keeper of the privy seal. По прошествии некоторого времени ещё более личный секретарь появляется между королём и его старшими государственными служащими: king's clerk или king's secretary, который хранил королевскую печать (king's signet). Во времена Тюдоров два королевских секретаря стали назначаться государственными секретарями. С этого момента подписание документов превратилось в шаблонную процедуру: документ, подписанный рукой короля — royal signmanual, скреплялся подписью государственного секретаря (хранителя king's signet) и, в качестве указания выпустить данный документ за малой государственной печатью, отправлялся keeper of the privy seal, чтобы затем поступить к канцлеру, снова в форме директивы, выпустить документ с большой государственной печатью королевства. Подобная процедура была призвана повысить ответственность министров за действия короля: ни один акт не имел юридического значения, если он не был скреплён большой или, по крайней мере, малой государственной печатью, которая подтверждала, что такой-то министр «сим обязуется исполнить королевскую волю». Этим объясняется то внимание, которое министры уделяли соблюдению формальной процедуры: они боялись обращения к ним с запросом относительно какого-либо королевского акта и того, что они будут неспособны доказать его подлинность. Канцлер боялся ставить большую печать, если на документе не стояла малая печать в качестве гарантии; хранитель малой печати обращал внимание на то, чтобы собственноручная подпись короля была заверена секретарём. Король находил определённые преимущества в такой процедуре. Он перекладывал на министров заботу о королевских интересах и о состоянии своих дел; они следили, чтобы короля не ввели в заблуждение или не злоупотребили его доверием. Он действовал с гарантией, но под контролем своих министров, чья ответственность была зафиксирована королевскими актами, гарантами которых выступали сами министры (в правление Елизаветы Первой устный приказ стал недостаточным основанием, чтобы получить сумму на расходы, и королевское поручение должно было иметь большую или малую печать, которые были не просто символами соблюдения церемонии, как скипетр или корона, но настоящими инструментами правления).

Через анализ удлинения цепочки «власть-ответственность» можно проследить каким образом в недрах самих иерархических отношений зарождался действительный общественный порядок, основанный на определённой взаимности. Исполнитель в одно и то

же время был под контролем и под защитой руководителя, в частности, от злоупотребления и своеволия властей. Всё происходило так, как если бы по мере возрастания властных полномочий руководителя росла бы его зависимость по отношению ко всей сети исполнителей. В каком-то отношении свобода и ответственность каждого сокращалась вплоть до полного исчезновения «на просторах поля». Однако в других моментах она возрастала по мере того, как агент был вынужден брать на себя ответственное решение под прикрытием и под контролем всех других действующих в поле агентов. Действительно, по мере дифференциации поля власти, каждое звено цепочки является само по себе точкой (вершиной) в поле. Можно наблюдать рост дифференциации поля власти одновременно со становлением бюрократического поля — государства — как метаполя, которое определяет правила, управляющие разными полями, и на этом основании является целью борьбы между доминирующими в различных полях.

Удлинение цепочек делегирования и развитие сложной структуры власти не влечёт за собой автоматического отмирания механизмов, обеспечивающих частное присвоение экономического и символического капитала (и все виды структурной коррупции). И напротив, можно было бы сказать, что возможности для расхищения (путём непосредственного изъятия) увеличиваются, централизованное наследование может сосуществовать с локальным (базирующемся на семейных интересах функционеров или на корпоративной солидарности). Отделение функции от персоны происходит медленно, как если бы бюрократическое поле постоянно разрывалось между династическим (персональным) принципом и юридическим (или безличным).

«То, что мы называем «общественной функцией» так долго было сращено со своим носителем, что невозможно проследить историю того или иного совета или поста, не описывая при этом индивидов, руководящих данным советом или занимавших данный пост. Именно личность придавала ранее второстепенной должности исключительную значимость или, наоборот, переводила на второй план прежде важную — в силу личности её исполнявшей — функцию Человек творил функцию в масштабах, какие сегодня немыслимы» [44].

Ничего нет более сомнительного и более неправдоподобного, чем создание в теории — в работах интересующихся вопросом юристов, выступающих одновременно судьями и ответчиками, и на практике — благодаря неощутимому прогрессу разделения труда по господству, — общего дела, общественного блага и, особенно, структурных условий (связанных с появлением бюрократического поля) разделения общественных и личных интересов или, говоря яснее, принесения в жертву эгоистических интересов, отказа от личного использования общественной власти. Парадокс состоит в том, что непростой генезис общественного порядка неотделим от появления и накопления общественного капитала и возникновения бюрократического поля как поля борьбы за контроль над этим капиталом и соответствующей властью, а значит — борьбы за власть перераспределять общественные ресурсы и связанные с ними прибыли. Как показал Дени Рише, государственная знать, утвердившаяся во Франции в конце XVI — начале XVII века, чьё правление не прерывалось Революцией (скорее наоборот), основывала своё господство на том, что Эммануил Ле Руа Ладюри назвал «фискальным капитализмом», а также на монополизации высших постов, приносящих высокие прибыли [45]. Бюрократическое поле

постепенно одержало победу над логикой наследования династического государства, которое подчиняло интересам суверена материальные и символические прибыли с капитала, сконцентрированного государством. Это поле стало местом борьбы за власть над государственным капиталом, над материальными (жалование, материальные выгоды) и символическими (почести, звания и так далее) прибылями, доставляемым им. В эту борьбу реально могло включаться только меньшинство правообладателей, обозначенных посредством квази-наследственного обладания образовательным капиталом. Следует детально проанализировать такой двусторонний процесс, который породил государство и который является нераздельно универсализацией и монополизацией всеобщего.

Примечания

- 1 Данный текст представляет исправленные записи лекций, прочитанных в Коллеж де Франс. В его основе — предварительные наброски, служившие, главным образом, исследовательским инструментом. Он вписывается в линию, продолжающую анализ процесса концентрации различных видов капитала, приведшего к формированию бюрократического поля, способного контролировать другие поля.
- 2 Bonney R. J. *The European Dynastic States. 1494–1660.* — Oxford: Oxford University Press, 1991.
- 3 Bonney R. J. *Guerre, fiscalité et activité d’Etat en France (1500–1660): Quelques remarques préliminaires sur les possibilités de recherche.* // *Genèse de l’Etat moderne. Prélèvement et redistribution.* / Genet Ph., Le Mené M. (éds.) — Paris: Éd. du CNRS, 1987. — p. 193–201, 194.
- 4 Stieber W. *Studies in the History of Christian Thought.* XIII. — Leiden: Brill, 1978. — p. 126 sq.
- 5 Lewis A. W. *Le sang royal: La famille capétienne et l’Etat. France, Xe-XIVe siècle.* / Préface G. Duby. — Paris: Gallimard, 1981.
- 6 Bloch M. *Seigneurie française et manoir anglais.* — Paris: Armand Colin, 1960.
- 7 Duby G. *Le Moyen Âge.* — Paris: Hachette, 1989. — p. 110.
- 8 Bonney R. J. *Op. cit.* — p. 195.
- 9 Elias N. *Über den Prozess der Zivilisation.* (1re éd. 1939) — Trad. Fr. du tome 1: *La Dynamique de l’Occident* — Paris, 1969. — p. 31, 47.
- 10 Duby G. *Préface in A. W. Lewis. Op. cit.* — p. 9.
- 11 «Кроме того, в условиях разгула политического и военного авантюризма, сопровождавшего императорскую власть и приведшего к её упадку, ни один из авантюристов не был достаточно силён, чтобы заставить подчиняться других и свергнуть императорскую власть. Все они боролись отдельно, чтобы нажить личное состояние, и угрожали позициям и достижениям друг друга. Только некоторые из них, несмотря ни на что, смогли навязать своё господство другим. Когда они добились институционального

признания своих завоеваний, им понадобился центр, чтобы узаконить эти приобретения» (Alam M. *The Crisis of Empire in Mughal North India, Awadh and the Penjab. 1708–1748.* — Oxford—Delhi: Oxford University Press, 1986. — p. 17.).

12 Mousnier R. *Les Institutions de la France sous la monarchie absolue.* — T. 1. — Paris: PUF, 1974. — p. 89–93.

13 Ibid. — p. 199.

14 Constant J.-M. *Genèse de l'État moderne. Prélèvement et redistribution.* / Genet Ph., Le Mené M (éds). *Op. cit.* — p. 224, 223.

15 Guénée G. *L'Occident aux XIVe et XVe siècles. Les États.* — Paris: PUF, 1971.

16 Hopkings K. *Conquerors and Slaves.* — Cambridge, 1938. — Ch. IV (о занятиях евнухов).

17 Mantran R. (dir.) *L'Histoire de l'empire ottoman.* — Paris: Fayard, 1989. — p. 27, 165–166.

18 Ibid. — p. 119; 171–175.

19 Ibid. — p. 161; 163–173.

20 Constant J.-M. *Op. cit.* — p. 223.

21 Guenée B. *Op. cit.* — p. 230.

22 Gellner E. *Nations et nationalisme.* — Paris: Payot, 1989. — p. 150.

23 Duby G. *Le Moyen Âge.* — *Op. cit.* — p. 326.

24 Bloch M. *Op. cit.* — p. 17.

25 Crouzet D. *La crise de l'aristocratie en France au XVIe siècle.* // *Histoire. Economie. Société.* — 1982. № 1.

26 Tapié V. *La France de Louis XIII et Richelieu.* — Paris: Flammarion, 1980. — p. 64.

27 Olivier-Martin F. *Histoire du droit français, des origines à la révolution.* — Paris: Éd. de CNRS, 1996. — p. 344.

28 Will P.-E. *Bureaucratie officielle et bureaucratie réelle. Sur quelques dilemmes de l'administration impériale à l'époque des Qing.* // *Etudes chinoises.* — Vol. VIII. — № 1.1989. — p. 69–141.

29 Bourdieu P. *Droit et passe-droit. Le champ des pouvoirs territoriaux et la mise en œuvre des règlements.* // *Actes de la recherche en sciences sociales.* — № 81–82.1990. — p. 86–96.

- 30 Laffont J.-J. Hidden Gaming in Hierarchies: Facts and Models. // *The Economic Record*, 1989. — p. 295–306.
- 31 Weber M. *Le savant et le politique*. — Paris: Plon, 1959. — p. 120–121.
- 32 «Большинство землевладельцев в эпоху Тюдоров отвернулись от традиционной службы в армии, предпочитая получить образование в университетах или войти в юридическую корпорацию» (Williams P. *The Tudor Regime*. — Clarendon, 1979. — p. 241.).
- 33 «От частных вельмож, командующих своими подданными, к лорду-лейтенанту, действующего по назначению короля» (Corrigan Ph., Sayer D. *The Great Arch. English State Formation as Cultural Revolution*. — Oxford: Basil Blackwell, 1985. — p. 63.).
- 34 Goubert P. *Ancien Régime*. — Paris: Armand Colin, 1973. — Т. 2. — p. 47.
- 35 Duby G. *Le Moyen Âge*. — Op. cit. — p. 326.
- 36 Ibid. — p. 211.
- 37 Ibid. — p. 222.
- 38 Skinner Q. *The Foundations of Modern Political Thought*. — London — New York: Cambridge University Press, 1978.
- 39 Hanley S. *Le «lit de justice» des Rois de France*. — Paris: Auber, 1991.
- 40 Church W. Farr. *Constitutional Thought in Sixteenth Century France. A Study in the Evolution of Ideas*. — Cambridge: Harvard University Press, 1989.
- 41 Lit de justice (фр., ист.) — место под балдахином, где располагался король во время проведения торжественных заседаний Парламента. — Прим. пер.
- 42 О долгой истории восхождения чиновников и постепенной монополизации государственного капитала государственной знатью см. Bourdieu P. *La Noblesse d'État: grandes écoles et esprit de corps*. — Paris: Minuit, 1989. — p. 531–559.
- 43 Maitland F. W. *Constitutional History of England*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1948. — p. 202–203.
- 44 Richet D. *La France moderne. L'esprit des institutions*. — Paris: Flammarion, 1973. — p. 79–80.
- 45 Richet D. *Elite et noblesse: la formation des grands serviteurs de l'État — fin XVI-début XVII siècle*. // *Acta Poloniae Historica*, 1977. — Vol. 36. — p. 47–63.